

ЕДИНЫЙ СЦЕНАРИЙ ДРАМАТУРГИИ РУССКИХ РЕВОЛЮЦИЙ 1917 И 1991-1993 ГОДОВ

Ю.П.Фесенко

(доктор филологических наук, профессор,
Восточноукраинский национальный университет им. В. Даля)

**На всякого мудреца довольно простоты.
(Народная поговорка)**

У статті вперше запропоновано трактування російських революцій 1917 і 1991 – 1993 років як багатоскладних театралізованих дійств. При їх аналізі вперше використано медіалітературознавчий підхід. Це дозволило укрупнити драматургічні аспекти історичного процесу.

This article is the first attempt to interpret the Russian Revolutions of 1917 and 1991 – 1993 as complex theatrical performances. The method of media and literature analysis never used before made it possible to enlarge the drama aspects of the historical process.

Настоящая заметка не является историческим исследованием в общепринятом его понимании. Здесь не используются сверхсекретные архивные документы, не анализируются тайные закулисные договоренности и даже не комментируются «эпохальные» планы «вождей». Упор делается на выявлении основного «сюжета» социальных катаклизмов, которые, в свою очередь, трактуются как целостный спектакль. Собственно, в привлечении оценок современников, за редчайшим исключением, нет насущной необходимости. Все участники событий вынуждены действовать в рамках и по логике заявленного «сюжета», не всегда осознавая его истинное значение и свою подлинную роль. Понятно, предложенный подход рассмотрения укрупняет драматургию и поэтику как будто стихийно создаваемого «произведения». На самом же деле стихийность проявляется, как правило, лишь во второстепенных для главного «сюжета» эпизодах.

Автор исходит из того, что каждая подобная «пьеса» порождается соответствующим коммуникативным полем и в свою очередь видоизменяет его. Таким образом, цепь событий подобного рода может быть рассмотрена в литературоведческом ключе. Ведь в основе любого информационного проекта лежит *текст*, т.е. выстроенная по законам поэтики семантическая структура. Подобный подход мы называем *медиа-literатуроведческим*, а отрасль знания, классифицирующую и анализирующую очерченную информацию, – *медиа-literатуроведением*. Очевидно, положительным сопутствующим свойством предлагаемого подхода оказывается сведение к минимуму любых способов манипуляции аудиторией, которой известны либо доступны все те же источники и факты, что и автору. Но эффективно ли столь «непрофессиональное» изучение истории? Об этом судить читателю.

Сопоставление драматургии революционных событий 1917-1918 и 1991-1993 гг. обнаруживает их поразительное сходство. В обоих случаях происходящее разворачивалось на фоне ширококомасштабной кампании под лозунгами, явно не адекватно отвергающими невыносимо мрачное прошлое и ратующими за невероятно счастливое будущее. Исподволь укрупнялись простейшие бинарные оппозиции *Керенский – Ленин, Горбачев – Ельцин*, предельно упрощавшие, даже примитивизировавшие, казалось бы, клокочущую от противоречий действительность. Причем и Керенский, и Горбачев имели все возможности для нейтрализации своих оппонентов, но поступили почему-то иначе. Демонстративно неуклюжими «преследованиями» они, по сути, делали им рекламу, создавали образы «борцов за справедливость». Уместно в обоих случаях говорить о мнимом конфликте между соперниками. Возвращенные через систему слухов и СМИ, подобно фантому, несправедливо гонимые «освободители» страдающего народа оказались в конечном итоге у руля власти. Кстати, все четверо, хотя и по-разному, пользовались американской поддержкой, что, конечно же, было случайностью. Общим оказался и итог – Российская империя и СССР распались. Иные варианты развития ситуации, как по волшебству, исключались самым ходом событий. Затем пришедшие к власти «разобрались» соответственно с Учредительным Собранием и Верховным Советом.

Правда, во втором случае не было столь ширококомасштабного вооруженного противостояния, как в начале XX века. Тогда «красные» и «белые», увлеченно занимаясь взаимоуничтожением, в большинстве своем не могли подняться над событиями, системно осмыслить их и вынужденно становились жертвами вторичной манипуляции. Как тут не вспомнить массовую эмиграцию интеллигенции за рубеж, в том числе и на знаменитом «философском» пароходе в 1922 г., начисто исключившую вероятность дезавуирования обществом импортируемых иезуитских схем. В конце же XX века гражданская война

велась в форме «контролируемого хаоса» с целью сохранения в безопасности ядерных арсеналов СССР, хотя суммарные потери России даже превзошли итоги большевистских экспериментов. Только на этот раз никакого «философского» парохода не было. Интеллектуальная элита осталась дома, что и предопределило во многом достаточно быстрое угасание гражданского противостояния, стабилизацию ситуации и поступательный экономический рост страны.

Автор настоящей заметки уже слышит упреки в следовании пресловутой теории тайного заговора против России. Увы, все гораздо проще. Так уж повелось в международных отношениях, что более успешные на данный момент державы с выгодой для себя используют слабость менее успешных государств. А говорить о сильной России в рассматриваемые периоды не приходится, о чем свидетельствует и деформация её коммуникативного поля.

Так, в 1993 г. именно американская компания CNN получила эксклюзивное право на показ орудийной стрельбы из танка через мост по окнам Белого Дома в Москве и превратила свою трансляцию в эффектное шоу. Грамотно, по рецептам Хичкока, расставленные телекамеры, соответствующие текстовки и кадры порождали ощущение полной обреченности обороняющихся (о потерях которых так и не было сказано ничего внятного) и праведной твердости атакующих. На этом фоне затрагивались многие злободневные вопросы с ассоциативным акцентом на всемирной гегемонии США.

Телешоу явилось апофеозом многолетней работы по «демократизации» России. Но и тогда, когда телевидение ещё отсутствовало, реализовывался сходный «пакетный» принцип, подразумевавший создание многоцелевого вербально-визуального контекста. В этом отношении поистине непревзойденным образцом предстает № 45 «Нивы», вышедший 11 ноября 1917 г., т.е. вскоре после Октябрьского большевистского переворота. На основании 17 разнообразных иллюстраций и 11 статей здесь воссоздан чрезвычайно широкий интонационно-тематический спектр от официального до доверительного, от политического до эстетического, от шуточного до трагического. Тут и портрет Президента Вудро Вильсона, и обращения к русскому народу (ввиду отсутствия легитимного правительства. – Ю.Ф.) посла Дэвида Р. Фрэнсиса (с портретом поменьше), сенатора И.Рута, президента американской Федерации Труда С.Гомперса, госпожи М.Фарвелл, а также антигерманская заметка министра внутренних дел США Лэна. Перед нами предельно концентрированная и эффективная рекламная кампания в пользу Соединенных Штатов. Попутно устраивается своего рода «телемост» «Америка – Россия» и публикуются проамериканские статьи А.И. Куприна, Тана, профессора К. Соколова и стихотворение А. Рославлева об Америке, «мудрейшей из стран». Между материалами возникает сложное диалогическое соотношение, порою они не совпадают, особенно в частностях, но в целом преследуют единую цель – вовлечь русский народ в борьбу за демократические свободы, т.е. в гражданскую войну. Причем некоторые вербальные и визуальные находки отсюда прочно вошли в коммуникативное поле советской России и СССР.

Так, американский плакат с изображением озабоченного дяди Сэма с указующим на зрителя перстом и подписями: *Вы мне нужны для армии Соединенных Штатов! Вот ближайший пункт для записи в рекруты!* (1, 676), - несомненно явился прообразом едва ли не самого действенного плаката времен гражданской войны *Ты записался добровольцем?*, созданного Д. Моором в 1920 г. (2, 45, 261). А вот одно из феноменальных пророчеств госпожи М Фарвелл: *Увы! В прошлом американцы нередко приезжали в Россию только с целью эксплуатации и, уезжая, оставляли после себя воспоминание об алчности к деньгам. То были не лучшие сыны Америки – при старом режиме Россия была чересчур далека от наших идеалов, чтобы привлечь наших лучших людей; но ныне мы идем к ней просто, как друзья в час испытания, не с целью покровительства* (выделено мною. – Ю.Ф.), - *Россия вправе теперь требовать от иностранцев чего угодно, только не покровительства, - а лишь затем, чтобы помочь, если она позволит нам* (1, 685). Как говорится, комментарии излишни. Теперь, в 1990-е годы, мы познакомились наконец-то с *лучшими сынами Америки*.

Отметим также смягчающие политизированность и уравнивающие вербально-визуальное пространство два заключительных материала о писателе О. Генри и американских художниках. Жесткая агитационность номера «Нивы» смягчалась. А сам газетный выпуск приобретал как бы «культурологический» оттенок.

Обозначенный вектор был подхвачен упомянутой компанией CNN в 1991 году. Она показала, как Ельцин взобрался на танк возле Белого Дома и произнес оттуда свою знаменитую речь. Автоматически возникало сближение с Лениным, выступающим перед народом с броневика в 1917 г. Это выступление было известно практически всем по упоминаниям и иллюстрациям в школьных учебниках, а также по кинофильмам. Из данного сходства должно было следовать, будто перед нами законный сильный преемник прежней власти, который тоже за рабочий люд, но без диктатуры и красного террора. Воспроизведенный сценарный ход призван был примирить "коммунистов" с "демократами". Побуждала к этому и почти идиллическая картинка: всемирно известный виолончелист и дирижер М.Л. Ростропович

мирно бодрствует с автоматом, взятым у спящего рядом защитника Белого Дома (3, 27). Сразу же Ростропович получил прозвище *музыкант с ружьем* (4, 3), а доктор искусствоведения Л. Гаккель восторженно воскликнул: *Мы горды за Ростроповича <...>* (5, 3). Вскоре Ю. Феклисов – автор соответствующей фотографии по телевизионным мотивам – получил премию американской фирмы КОМПЬЮТРЕЙД ИНТЕРНЭШНЛ (6, 5). В итоге власть как таковая возносилась над «коммунистами» и «демократами». С благословения политического прошлого и культурного настоящего она приобретала едва ли не сакральный характер, а диалог с массами, как и в 1917 году, вроде бы деполитизировался.

Главные действующие лица накануне кульминационных событий 1917 и 1991 гг. оказываются в подвешенном состоянии. Связи между различными ветвями власти и их руководителями разрываются. Все подчинено одному – обретению авторитарного верховенства стремительно выходящим из тени фаворитом. Принципиальные отличия предопределялись лишь тем, что Горбачев – в силу наделённости множеством полномочий и включенности в гораздо большее количество социальных процессов – призван был выполнить незавидные функции и Николая II (без его трагической судьбы), и Керенского, а Верховный Совет РСФСР должен был быть поставлен на колени лишь после его использования против Верховного Совета СССР. Всё остальное узнаваемо до боли вплоть до мелочей.

Государственная Дума и Верховный Совет СССР, раздираемые внутренними противоречиями, теряют всякую легитимность. Население дезориентировано и отчасти деморализовано противоречащими друг другу «сигналами» сверху. У Николая II и Горбачева авторитетные «визитеры» требуют отказа соответственно от престола и от подписания союзного договора. В развитие «сюжета» привносятся приключенческие элементы: император и Генеральный секретарь ЦК КПСС изолируются вдалеке от столиц, вокруг чего возникает немало будоражающих массы домыслов. И Керенский, и Горбачев отдают распоряжения, лишь дестабилизирующие обстановку и отталкивающие даже их верных приверженцев, что надо воспринимать не как импульсивные ошибки, а системно продуманные поступки. Окончательный переворот совершает никем не уполномоченная для этого группа самозванцев соответственно в Петрограде и Беловежской Пуще. Причем к «великим» свершениям привлечены даже обыватели, которые муссируют сплетни о пронемецких настроениях жены императора и её маниакальной привязанности к Распутину, а также о чрезмерной склонности жены Генсека к драгоценным украшениям и модным нарядам. К тому же революции делаются на два этапа: первый (февральский 1917 и августовский 1991 гг.), отстраняющий оппонентов из прошлого; второй (октябрьский 1917 и октябрьский 1993 гг.), расчищающий дорогу соответственно большевикам и олигархам и утверждающий авторитарное правление «баловней» судьбы – Ленина и Ельцина.

Конечно, в конце XX века ситуация несколько видоизменилась. В информационном обществе – а именно таковым постепенно становится все мировое пространство – роль идеологии во всех ее формах многократно возрастает. Идеология начинает пониматься не только как совокупность определенных принципов и установок, но и как некий набор «сценариев» агрессивного воздействия на массовое сознание. Согласно практике последних двух десятилетий, уже совсем не обязательно использовать крепко спаянную военную либо партийную силу в качестве основного рычага для ниспровержения существующего политического строя. Разумеется, эти факторы не отменяются вовсе, однако они больше демонстрируются (угроза наказания страшнее самого наказания!), нежели применяются. Конечно, при необходимости идут в ход и они. И все же в главном «сюжете» им отводится вспомогательная роль, равно как и деньгам, и всевозможным "пятым" колоннам, и 25 кадру, и нейролингвистическому зомбированию.

На первом плане специально подготовленная программа, концентрированно тиражируемая СМИ, преимущественно телевизионными, в условиях преднамеренно созданной для них – пусть даже на короткое время и пусть даже мнимой – доминации на коммуникативном поле конкретного социума. Подобная программа базируется на тех чертах национальной ментальности и истории, которые отличаются повышенной амбивалентностью или, по крайней мере, неоднозначностью трактовок и группируются вокруг проблемы самоидентификации. Затем программа дополняется злободневными фактами, возбуждающими всеобщее справедливое недовольство населения. Причем факты эти – а их хватает в любой стране – преподносятся в самой «сниженной» эмоционально-ассоциативной форме. Делается это с двоякой целью: закамуфлировать направленность главного удара по сущностным национальным основам и предельно усилить его воздействие на воспринимающее, прежде всего обывательское, сознание. Произвольное вычленение подходящих к модулируемой ситуации аспектов сопровождается их акцентированной актуализацией до уровня «табу», которое потом нарушается с подведением воспринимающего сознания к следующему, вновь постулируемому «нельзя». За счет утверждения и нарушения заранее продуманной цепочки запретов создается виртуальная иллюзия преодоления чего-то косного и обретения полной неограниченной свободы. В процессе прохождения через иерархически табуированные нравственные зоны и меняется, хотя бы на время, мировидение

человека. Появляется возможность манипулировать общественным самосознанием.

Скажем, во второй половине 1980-х годов журнал «Огонек» и газета «Московские новости», ловко подводя к выводу о приоритете американского образа жизни, беспощадно критиковали всевозможные репрессии, жестокости, несправедливости советской эпохи и распространяли в обществе мысль о неприятии насилия. В 1991 г., в период ГКЧП, при телепоказе собравшейся возле Белого дома толпы неизменно подчеркивались абсолютно мирные намерения Ельцина и его окружения, что ставилось им в величайшую заслугу. Табуирование насилия вообще являлось лейтмотивом текстовой части тогдашнего телеэфира. О необходимости не допустить кровопролития говорили и телекомментаторы, и опрашиваемые ими же рядовые участники событий. К этому же призывались и сторонники ГКЧП. Трагическая гибель тогда троих молодых людей (7) на улицах Москвы вызвала многолюдное шествие скорби во главе с Ельциным (3, 31 – 33; 8, 2). Он обратился к родителям погибших: *И простите меня, что я не смог защитить, убересть ваших сыновей* (9, 3).

Но в 1993 г., когда ситуация изменилась и уже ельцинские сторонники штурмовали парламент, воздвигнутое ранее, казалось бы, монолитное табу нарушается. Американская компания CNN создает для этого соответствующее коммуникативное поле, о чем уже говорилось выше. Никакие иные варианты развития событий даже не предполагаются. Оставляя в стороне нравственную сторону подобных псевдообъективных телетрансляций, подчеркнем лишь одно – за режимом Ельцина-Гайдара закреплялось право нарушать едва ли не самое главное тогда социальное "нельзя". И тем самым налагалось новое табу – на этот раз на любые выступления против разоряющего страну проамериканского режима. (Отсюда трогательная забота сотрудников посольства США о Ельцине в критические августовские дни 1991 г. (10, 93)). Попутно декларировалась чуть ли не сакральность правящего клана и, что еще более важно для "заказчиков", исподволь утверждалось всемогущество находящихся за океаном кукловодов. Иначе говоря, создавался новый тотем.

Но нечто подобное обнаруживается и в 1918 г. Тогда после убийства председателя Петроградской ЧК Урицкого был инициирован широкомасштабный «красный террор». Позднее, после убийства Кирова в 1934 г., разворачивается новый виток ещё более страшного террора. Конечно, нельзя с полной уверенностью утверждать, будто исходный сценарий телепоказа 1993 г. зиждился исключительно на возбуждении неоднозначных ассоциаций аудитории с самыми мрачными страницами недавней истории. Распечатки монтажа и редакторского текста мы в руках не держали. К счастью, в реальной жизни все перечисленные ассоциации остались «за кадром». Видимо, речь следует вести о непредумышленных переключках и уж никак не о преднамеренном запугивании робких домохозяек на кухнях у экранов телевизоров. А иначе на кого бы могла быть рассчитана подобная «страшилка»? Народ у нас крепкий и, занятый борьбой за выживание в условиях импортированной из США ваучеризации, у телеэкранов не засиживается. Некогда.

Впрочем, возводить напраслину на кого-либо мы не собираемся. Наоборот, в качестве примера неослабевающей и бескомпромиссной борьбы США за демократию в России вновь обратимся к «приветственному слову» госпожи Фарвелл из № 45 «Нивы» от 11 ноября за 1917 г.: *Мы, американцы, верим в Россию. Даже вызванная революцией разруха в стране и тяжелая поступь надвигающихся на Россию германских полчищ не пошатнули нашей веры* (1, 685). Уже с этих самых первых строк «приветственного слова» поражает уникальная прозорливость госпожи. Разруха ещё только намечается, а о ней говорится, как о чем-то давно сбывшемся. Немцы отнюдь ещё не близко, однако о них говорится так, как будто они рядом.

Дальше – больше. Предсказывается предстоящий голод, холод, гражданская война, окончательное отделение Финляндии и Украины. (Первое, как известно, тогда осуществилось, второе – почти сбылось). Приведем отсюда несколько удивительно точных прогнозов, выраженных предельно сжато, афористично, мы бы даже сказали, программно. Например: *Но именно потому, что мы дружески понимаем Россию, мы, думая о предстоящей ей суровой зиме без топлива и пищи, о многих жертвах, которые она уже принесла и которые ей ещё предстоит принести, - мы жаждем быть ей полезными, не так, как богач-иностранец, который дает, не скупясь, но как человек, который, добравшись до тихой пристани, просто, как друг, протягивает руку брату, который ещё только проходит первые трудные этапы Великого Демократического Пути. <...> Мы сами прошли через революцию и мучительную фазу гражданской войны <...>. У нас тоже бывали свои семейные раздоры и всегда будут – такова уж человеческая природа, и нас не удивляет, что, скажем, Финляндия и Украина отстаивают свои интересы, идущие в разрез с интересами Великой России, ибо, что хорошо для штата Мэн, то не хорошо для штата Миссисипи* (1, 685).

Блестящее предсказание как на ближайшее будущее, так и на весь XX век. Отметим глубокое проникновение в ход последующих событий. Перед системной аналитикой госпожи Фарвелл попросту меркнут скромные предвидения самых проницательных прорицательниц конца XX века Маргарет Тетчер

и Мадлен Олбрайт. Достойно сожаления, что в России 1917 г. не прислушались внимательно к столь обоснованному мнению. Пророческий дар госпожи Фарвелл отнюдь не уступает, на наш взгляд, экстрасенсорным способностям Нострадамуса, и её имя должно занять свое достойное место в «Книге рекордов Гиннеса».

Разумеется, в настоящей заметке мы смогли лишь поверхностно затронуть некоторые проблемы, возникающие при сопоставлении драматургии двух революций. Обнаруженные посредством вновь заявленного медиалитературоведческого подхода точки сближения в сюжетике, конфликтосфере, системе главных действующих лиц позволяют говорить о родственности разновременных революционных сценариев. Однако попутно возникает вопрос об атрибуции обоих судьбоносных текстов, которые, безусловно, учитывали, наряду с прочим, и различные варианты развития событий. Сомнение в авторстве первого спектакля было высказано еще Сталиным в 1924 г., и Троцкий, претендовавший тогда чуть ли не на сочинение всего проекта, не смог убедительно аргументировать свои претензии (11, 317- 325). Кстати, вопрос о действительном руководстве большевистским восстанием остаётся открытым донныне. Что касается второй пьесы, то она пока предстает непроницаемо анонимной для общества, и, видимо, придется приложить немало усилий для установления её настоящего создателя.

Нуждается в совершенствовании и сам медиалитературоведческий подход. Ведь в настоящей заметке осуществлена одна из первых попыток его применения к анализу чрезвычайно сложных исторических явлений. Тем не менее установление причинно-следственных связей между разрозненными, казалось бы, событиями позволяет обнаружить некий доминирующий вектор общественного развития. Надо полагать, включение в рассмотрение второстепенных, эпизодических и внесценических персонажей будет способствовать установлению всей полноты картины. В свою очередь всестороннее расширение рассматриваемого фактажа поможет оттачиванию предложенного исследовательского метода.

1. Нива. – 1917. – 11 ноября. – № 45.
2. Демосфенова Г.Л., Нурок А.Ю., Шантыко Н.И. Советский политический плакат. – М., 1962.
3. Огонёк. – 1991. – № 36.
4. Московские новости. – 1991. – 24 августа. – № 34.
5. Известия. – 1991. – 12 сентября. – № 217.
6. Огонёк. – 1991. – № 42.
7. В знак памяти вспомним принесших себя в жертву поименно – **Вадим Усов, Дмитрий Комарь, Илья Кричевский** (см.: Известия. – 1991. – 26 августа. – № 202).
8. Московские новости. – 1991. – 1 сентября. – № 35.
9. Известия. – 1991. – 26 августа. – № 202.
10. Коржаков А.В. Борис Ельцин: от рассвета до заката. – [М.], 1997.
11. Такер Р. Сталин: Путь к власти. 1879 – 1929. История и личность. – М., 1991.